Р. П. ДМИТРИЕВА

О структуре Повести о Петре и Февронии

Произведение о муромских святых Петре и Февронии после канонизации их в 1547 г. было признано житием и получило распространение в письменности как «Повесть от жития святых новых чудотворцев муромских Петра и Февронии». О житийных функциях произведения говорят и подзаголовки внутри текста некоторых списков второй редакции, с включенными в них пометами ритуального назначения. Однако принадлежность Повести житийному жанру является чисто формальной. Еще В. О. Ключевский характеризовал Повесть о Петре и Февронии как произведение, по существу не имеющее ничего общего с традициями этого жанра: «Легенда о Петре, под которым, по-видимому, разумеется умерший в 1228 г. в иночестве муромский князь Давид Юрьевич, не может быть названа житием ни по литературной форме, ни по источникам, из которых почерпнуто ее содержание; в истории древнерусской агиографии она имеет значение только как памятник, ярко освещающий неразборчивость, с какою древнерусские книжники вводили в круг церковно-исторических преданий образы народного поэтического творчества».[1] Содержание и художественная структура этого произведения не укладываются в рамки житийного канона. Слишком значительные отклонения его от житийного жанра были ясны уже и в XVI в. Митрополит Макарий не включил Повесть о Петре и Февронии в состав Великих Миней Четий. И в том же XVI в. начали вносить изменения в содержание Повести, пытаясь приблизить ее к жанру жития. Над нею, в частности, трудился будущий патриарх Гермоген в бытность свою в Казани.

Нетипичность Повести о Петре и Февронии как жития ощутима с первого взгляда. Не требуется больших усилий, чтобы заметить в ней ряд отступлений от агиографического канона. Если рассматривать Повесть как житийное произведение, то ее следует отнести к житию биографического типа. Согласно правилам ведения рассказа (выработанным на основании византийских канонов), этот тип рассказа, помимо наличия предисловия и послесловия, должен был строиться по следующему плану: восхваление родины и родителей святого, сведения о проявлении святости в юности, искушение, служение богу, кончина и посмертные чудеса.[2] Конечно, во многих случаях житийные тексты в той или иной степени отклонялись от этой схемы. Содержание Повести о Петре и Февронии особенно трудно согласовать с требованиями канона жития биографического типа.

---

[1] В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 287.

[2] С. В. Полякова. Византийские легенды как литературное явление. — В кн.: Византийские легенды. Л., 1972, с. 247—248; Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пгр., 1914, с. 16—17; Д. Шестаков. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910, с. 104—105.